

Семья Тараса

1

Виктор ГОРБАТОВ

Всё на восток, всё на восток... Хоть бы одна машина на запад!

Проходили обозы, повозки с сеном и пшеницей, потонувшие в грязи, санитарные машины, повозки с ранеными солдатами; так же ступали заморозные кони; держась за лафеты пушек, брели серые от пыли и грязи люди. — Всё на восток, всё на восток, кмо Острой Могилы, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец. Проходили и везли, без следа, словно их проглатывала земля и злая пыль.

А все вокруг было оттого тревожно и напряженно, как в доме, в котором кто-то ждал, и скрежетом железа, и казавшаяся, сама дорога скрипит и стонет под колесами, мотается в испуге все косящиеся...

Только один человек у Острой Могилы был в эту пору спокоен в этот холодный день 1942 года — старый Тарас Якович. Он стоял, грустно опираясь на палку, и тяжело, неподвижно выжидая, словно не видя, что творилось вокруг. Ни слова не промолвил он за целый день, не сдвинулся с места. Потухшими глазами из-под седых, набухших бровей глядел он, как в тревоге короткого и мучительного дыхания. И со стороны казалась — был этот маленький человек равнодушно чужим всему, что делалось.

Но, вероятно, среди всех бредущих по дороге людей не было человека, у которого так бы металась, пыла и плакала душа, как у Тараса. «Что же это? Что же это, товарищ?», — думал он. — «Как же я? Куда же я? Обидно и жалко выжить!»

Многое в облаках пыли проносилось мимо, — всё на восток, всё на восток, и слышалось на чужие голоса, давала их старости и тяжести. «Что же мне делать? Стану на дороге и кричать, развешивать руки: стойте, куда же вы? Куда же вы уходите? Уйдите на колени, я плачу, не выдерживаю, умоляю: не уходите! Не смею вы уходить, когда мы, старики и малые дети, остаемся тут...»

А обоим всё пили и шли. — всё на восток, всё на восток, — по пыльной, горбатой дороге, на Краснодон, на Каменск, за Северный Донец, за Дон, за Волгу.

Но пока тянулось по горбатой дороге, тяжёлая палка обносила, в старом Тарасе всё мерцало, всё таяло, вставало. Вдруг вострому этому потоку людей отступало с востока, из облаков пыли, появлялись колонны, и бравые парни в потных тактах поспешно на запад, всё сокращая на своих путях. Только б тянулось палка, только б не всекала... Но палка становилась всё тоньше и тоньше. Вот обернется она, и тогда... Но о том, что будет тогда, Тарас боялся и думать.

Здесь, на одном берегу, останутся Тарас с немощными бабами и внучатами, а где-то на другом, — Россия и сыны, которые и армию, и всё, чем жила и для чего жила несчастная лютая лет Тараса. Но об этом лучше не думать. Не думать, не слышать, не говорить.

Уже в сумерках вернулся Тарас к себе на Каменный Брод. Он прошел через весь город, — и не узнал его. Город опустел и захирел. Обрывки проводов болтались на телеграфных столбах. Было много битого стекла на улицах. Нахляп гарью, и в воздухе тучей повисла черная пыль, сожженных бумаж и оседа на крышах.

Но в Каменном Броду было тихо. Во дворах на переизбыток болталась белая. На беззвучных стенах заката казались кровью. У соседа на крыльце раздували самовар, и в воздухе, пропахшем гарью и пороком, висел странно и сладко потановленный дымок, — словно не Острой Могилы, а с работы, с завода, возвращался старый Тарас. В полуденных сумерках, распускаясь матовыми, пылью, которые пахнут только вечером, почета рабочих людей. И выходя эти с малюсенькими знакомыми запахами, Тарас вдруг подумал, остро и предельно: «А жить надо! Как-нибудь... Как придется... А надо жить!» — и вошел к себе.

Навстречу ему молча бросилась вся семья. Он окинул ее одним широким взглядом — всех, от старухи жены Евфросины Карповны до маленькой Маринки, внучки, и понял: никого сейчас нет, никого у них сейчас нет на земле, кроме него, старого дела, он один отвечает перед миром и людьми за всю свою фамилию, за каждого из них, за их жизнь и за их души.

Он поставил палку в угол на обычное место и сказал как мог бодрее: — Ничего! Ничего! Будем жить. Как-нибудь... и приказал запереть дверь, закрыть ставни и засыпать дыры.

Потом взглянул на тринадцатилетнего внука Ленюку и строго прибавил: — И чтоб никто не выходил на улицу без спросу.

Ночью началась канонада. Она продолжалась много часов подряд, и всё это время петлял дым над Каменным Бродом, дрожало в оном. Только дремала железная крыша и жалобно стонали стекла. Потом канонада кончилась и наступило самое страшное — тишина.

Откуда-то с улицы появился Ленюка без шапки и испуганно закричал: — Ой, бабу! Немцы в городе.

Но Тарас, предупредив крики и плач женщины, строго крикнул на него: — Тсс! — и поспешно палился. — Нас это не касается!

2

Нас это не касается. Дверь была на запоре, ставни плотно закрыты. Дневной свет скупо струился сквозь щели и дрожал на полу.

Экономил лампадное масло. Евфросина зажала лампаду пред иконами только в сумерки и кланяясь раз выжила из отом: «Ты уж прости, господи!» Часы-хоронки с портретом генерала Скобелева на фоне медведя отступили время и, как и раньше, отставали в сутки на полчаса. Но утратил Тарас привычку переводить стрелки. Всё было как всегда — ни войны, ни мира.

По всей комнате был наведен тревожный

ми скрипами, задоями, шорохами. Из всех углов доносясь до Тараса приглушенный шепот и шалашные слезы. Это Женя приспосаблилась с улицы и жила в комнате с женщинами по углам, чтоб не слышать.

И Тарас думал, что ничего не слышит. Он хотел ничего не слышать, но не слышал не мог. Словно все щели ветоши дырки позало ему в уши: расстреляли... замучили... все забрали... тухляки... И тогда он вырвался, появился на кухню и кричал, брызгая слюной: — Чытыте вы, чортвы бабы! Кого убийте? Кого расстреляли? Нас это не касается! — И хлопнула дверью, ушла к себе.

Пелые дик провалили на теперь, у себя в комнате: строго, пытая, клени. Он прилежал к стене, работая вени, паровозной колесики или роторы, и слышал, всё равно. Он не мог жить без труда, как любой не может жить без табака. Тогда был необходимостью его души, привычкой, страстью. Но теперь никому не нужны были золотые руки Тараса, не для кого было мастерить кулеса и инструменты, а бесцельно вени он делал не умел.

И тогда он предпринимал задуманное, пробыл, заскитался, и тогда, — старуха обменивала их на рынке на зерно. Из печеного хлеба, из муки в городе не было. На базаре продавалось только зерно, старуха, как раньше семечки. И для развоза этого зерна Тарас на доске, постоишь и вала сохилу ручную мельницу. «Ай, протест!» — горько усмехнулся он, оглядев свой творение. — Погляди же ты на меня, инженер товарищ Кучай, погляди же, погляди же в мое, на что моя старость и талант уходят. Он отдал мельницу старухе и сказал при этом: — Берети! Вернётся выжи — покажи. В муке счастье. В отделе пещерного века.

Единственно, что давал он со страстью и вдохновением, были записки и записки. Каждый день прилежно он всё более и более, всё более замысловатые и наивные записки на ставни, лепи, записки и шехолы на двери. Сидел в комнате, устанавливал, пробовал, сомневался, изобретал.

Он совершенствовал свою систему записок, как бойцы в окопах совершенствовали обороты. — Каждый день. Старуха собирала устаревшие записки и отвозила на базар. Покупала нарисован. Водил была жизнь, и каждый хотел надежнее запереться в своей берлоге.

И когда однажды вечером к Тарасу поступил сосед, Тарас долго и строго подумавшись, через дверь, что за человек пришел и по какому делу, и уж потом осторожно стал отпирать: со скрежетом открывались замки, со звоном падали полки, с хлопком стучом отодвигались засовы.

— Дот! — сказал, войдя и поглядев на записки, сосед. — Ну что дот, а не квартира у тебя, Тарас. — Потом прошептал в комнату, поздравляя с женинцами. — И гарикон сурьезный. А этот, — указав на Ленюку, — в гариконе главный воин?

Сосед этого не любил Тараса. Сорок лет прожил рядом, крыша к крыше, сорок лет сохранился. Был он слишком боем, быстр, шумливым и многоречивым для Тараса. Тарас любил людей медленных, степенных. А сейчас и вовсе никак не хотел ему в дело. О чём он толковал? Он выдохнул и притворился спать.

Но сосед молча усеялся у стола. Вино, и его приправило, и он притих.

— Оборону заина, Тарас? — спросил он, наклонив.

Тарас молча пожал плечами.

— Ну-ну! Так и будешь одеть в кате? — Так и бух.

— Ну-ну! Так ты и женого нонна не видишь, Тарас?

— Нет. Не вижу.

— Я вижу. Не привели бог и глядишь! — он махнул рукой и замолчал опять. Сидел, качая головой, сморкался.

— Полицейский полон город, — вдруг сказал он. — Откуда и выжили все — люди немощные. Мы и не выжили такти.

— Нас это не касается, — пробормотал Тарас.

— Да... Я только говорю: никаких людей обиделось немало.

— Думает, как бы свою жизнь спасти, а надо бы думать, как спасти душу.

— Да...

И опять оба долго молчали. И оба думали об одном и том же: как же жить? Что делать? Что будет?

— Люди болтают, — тихо и нехотя прошептал сосед, — немцы завод востанавливать будут...

— Какой завод? — испуганно встревожился Тарас. — Нам?

— Та или же... Какой ещё!

— Этого быть не может! Где ж немцы ружья найдут?

— Тебя заставят.

— Меня? — Тарас жадно покачал головой. — Моему ружью завод стрелок, мои руки разрушались, чтоб не достался немцу. Не будет моих рук в этом деле. Не дай отойдут лучше.

— Могут заставить, — тихо прошептал сосед. Он поднахлынул с места, согребавший, старый, стал шептаться.

— Ну, бувай, Тарас. Живи. Сиди. Гарикон у тебя сурьезный, — грустно пошутил он уже на пороге.

Тарас тщательно запер за ним дверь, — на все засовы, на все замки. «Нас это не касается!» — сказал он себе. Но это была неправда. Восток, приспавший соседом, слышимым близко касался его. Дверь запереть можно, душу как запереть?

Семья и завод — вот чем была жизнь Тараса. Ничего больше не было. Семья и завод. Что же осталось?

Что ж осталось? Остаток вера осталась. Моему ружью стрелок, мои руки разрушались, мои и вернулись. Немцы, как болен, как жестоко, как мучают и несут. Это временное...

А сейчас впервые с ужасом подумал Тарас: «А что как это навсегда?» И тотчас же отбросил эту мысль. «Того быть не может!» Но она настойчиво лезла в душу: «А что как это навсегда?» И завод захитит, как прежде? И, может, ещё Гарикон обидится, как его засладили? И слово ничего не было, ни Каляна, ни Паромею, ни Острой Могилы, ни восточной войны, ни восточного, ни голодной смерти, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он встал на пороге, усталый. И — устал. И дождусь. И он ещё хотел, да хотел по комнате, и восточной войны, ни дикого первого, ни штурмовых ночей, ни дикого первого? Он хотел по комнате, думал, всё об одном и том же. «Неужели это навсегда? Неужели подлая рука найдется?» И тогда он в

ДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочная — Д 3-11-48; Публикации — Д 3-11-47; Сельскохозяйственного — Д 3-10-85; Библиотечного — Д 3-36-82; Иностранного — Д 3-32-88; Писем — Д 3-15-68; Местной сети — Д 3-15-47; Литературы и искусства — Д 3-04-46.